

Исторические науки

УДК 930

В.В. Фостийчук

Фостийчук Виктор Викторович, кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Ейского историко-краеведческого музея им. В.В. Самсонова (Ейск, ул. Свердлова, 104/1), e-mail: fost60@list.ru

НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

В статье обращается внимание на значимость дневников очевидцев немецкой оккупации в годы Великой Отечественной войны как уникальных источников информации. Отмечается, что благодаря дневникам очевидцев возможно получение беспристрастной и достоверной информации о каждом дне оккупации. В статье в хронологическом порядке приводятся отдельные записи из дневника очевидца немецкой оккупации села Елизаветовка А.Е. Куприка, сделанные им с августа 1942 г. по февраль 1943 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, немецкая оккупация, село Елизаветовка, дневник, Куприк Александр Емельянович, очевидец.

V.V. Fostiychuk

Fostiychuk Viktor Viktorovich, candidate of political science, associate professor, leading researcher of the research and exposition department of the

Yeysk museum of local history n.a. V.V. Samsonov (104/1, Sverdlova st., Yeysk),
e-mail: fost60@list.ru

THE GERMAN OCCUPATION THROUGH THE EYES OF AN EYEWITNESS

The article draws attention to the importance of the diaries of eyewitnesses of the German occupation during the Great Patriotic War as unique sources of information. It is noted that thanks to the diaries of eyewitnesses, it is possible to obtain impartial and reliable information about each day of the occupation. The article presents in chronological order separate entries from the diary of an eyewitness to the German occupation of the village of Elizavetovka A.E. Kuprik, made by him from August 1942 to February 1943.

Key words: Great Patriotic War, German occupation, Elizavetovka village, diary, Kuprik Alexander Yemelyanovich, an eyewitness.

Все дальше и дальше от нас грозные годы Великой Отечественной войны. Кованым сапогом прошлась по нашей стране в годы войны фашистская Германия. Миллионы и миллионы советских граждан оказались в условиях немецкой оккупации.

Под оккупацией находились территории Белорусской, Латвийской, Литовской, Молдавской, Украинской и Эстонской ССР, часть территории Карело-Финской ССР, города и населенные пункты ряда краев, областей и автономных республик РСФСР. Было оккупировано около 9% территории нашей страны. На оккупированных территориях проживало 44% всего населения СССР. Больше всего во временном измерении под оккупацией находились города и села Белорусской ССР, прибалтийских союзных республик, западной Украины – более трех лет.

В ходе наступления на Кавказ к началу сентября 1942 г. немецко-фашистскими войсками был захвачен практически весь Краснодарский край, за исключением четырех районов: Адлеровского, Геленджикского, Лазаревского и Туапсинского.

5 августа 1942 г. враг занял с. Елизаветовка (ныне Азовского района Ростовской области). Это село расположено в 65 км от Ейска (по трассе) и находится у впадения реки Ея в Ейский лиман на правом берегу.

Одним из жителей села Елизаветовка Александром Емельяновичем Куприком с 22 июля 1942 г. до начала февраля 1943 г. ежедневно велся дневник (отсутствует декабрьская тетрадь). Это уникальный документ, бесценный источник информации о немецкой оккупации одного из населенных пунктов Юга России. Дневник предоставляет нам возможность увидеть картину повседневной жизни оккупированного немецко-фашистскими войсками села глазами очевидца, семнадцатилетнего паренька. Житель оккупированного села Александр Куприк каждый день описывал в нем повседневную жизнь молодежи, взаимоотношения елизаветовцев с немцами, с властью, назначенной в Елизаветовке. В силу своего возраста он, ведя дневник, не имел целью проведение анализа, оценивание происходящего, не изучал настроения односельчан, не делил никого на своих и чужих. Чистая констатация фактов – без прикрас, без черных и белых красок. Им описывалась жизнь и смерть, работа, отдых и досуг, любовь и увлечения. Все, как было.

Подобных источников информации от очевидцев событий крайне мало. Один из известных в Ейске – это дневник Виктора Ивановича Долженко, начатый 1 августа 1942 г. и оконченный в последние дни оккупации Ейска. Он был написан на трех ученических тетрадях 29-летним (на начало оккупации города) ейским фармацевтом аптеки № 198. В настоящее время дневник хранится в музее лица № 4 г. Ейска. Написанные в разные годы после окончания Великой Отечественной войны воспоминания очевидцев оккупации, несомненно, являются важным источником информации.

Например, к ним можно отнести воспоминания Владимира Ивановича Николаева. Во второй книге воспоминаний «Река моей памяти» о детских и юношеских годах, написанной в 2011 г., он, тогда 6-летний мальчик, вспоминает оккупацию Ейска. Однако надо учитывать, что в воспоминаниях что-то стирается из памяти, на них влияют рассказы и воспоминания других людей, информация официальных источников.

Тем ценнее дневник очевидца немецкой оккупации Александра Емельяновича Куприка. Он не стал пылиться на полках семейного архива. Сын А.Е. Куприка Александр Александрович в 2013 г. издал, в первую очередь для родственников, труд, содержащий записи его отца времен оккупации Елизаветовки. Издание состоит из двух частей: «Боевой путь солдата второй мировой» и «Немецкая оккупация в Елизаветовке» (Дневник Куприка Александра Емельяновича)».

Благодаря родственникам А.Е. Куприка, проживающим в Ейске, автор статьи смог изучить этот бесценный исторический документ и публикует отдельные его фрагменты, касающиеся времени оккупации села Елизаветовка в годы Великой Отечественной войны.

Орфография и пунктуация, кубанский говор и диалектизмы автором статьи оставлены, как в дневнике Александра Емельяновича Куприка. В ряде случаев используются примечания автора.

05 августа 1942 г. Среда.

Утром мать сказала, что взорваны оба моста и до сих пор горят. Часов в 11 я ходил смотреть на мосты. С первого моста остались только столбы в воде, до сих пор дымившие. У Мороза Гая осыпались все стекла в окнах. Даже у Шкоды Евдокима высыпалось одно окно. Второй мост был меньше поврежден, по нему даже можно было ходить. Середина только выгорела. Пацаны находили очень много винтовочных патронов. Нашли несколько гранат и запалов к ним. Ягнюк Виктор нашел даже гранату Ф-1 с запалом. На горевшие доски клали патроны и они взрывались, патроны и запалы бросали в огонь. После осмотра мостов я пошел до Николая Положия. С ним мы

пошли до Василия Шкурки. С Петькой Л., Васькой и Колькой мы пошли до меня. Играли на балалайке, мандолине, играли в карты. Когда ребята разошлись, остался один Колька. Поужинав и взяв у меня книгу «Матэ Залка», он ушел в хутор Краснодар до дядька. Солнце было на заходе. Я начал жарить семечки. Вдруг услышал гул мотоциклов в стороне моста. Через некоторое время я услышал стрельбу и гул мотоциклов, но уже в другой стороне – в районе колхоза «Красный партизан». Выйдя на улицу, я узнал, что это приезжали 17 немецких солдат на 7-ми мотоциклах. Они разговаривали с женщинами и пацанами, спрашивали о красноармейцах, но никого не трогали. В нашем правлении они заставили диду Борошкови (прим. автора – дед Борошко, родственник по бабушке А.Е. Куприка Ефросинье Илларионовне Борошко) убрать портрет С. (прим. автора – Сталина), который висел при входе в Правление. Дед растерялся и разбил стекло портрета палкой, потом начал собирать склянки. Узнав все, что надо, немцы поехали на Колонку. Вечером ходил гулять на прежнее место... Уже половина двенадцатого, ложусь спать с Ванькой.

06 августа 1942 г. Четверг.

Спал до 8 часов. Мать часов в 5 поехала в хутор Краснодар менять жэрдэли за картофель, так как за деньги никто не продавал. Часов в 9 привезла с Мотькой Ульковой (прим. автора – Матрена Улько) ведер три жэрдэл. Нина и мать заходьылысь лузать их на сушку, а я пошел гулять. Часов в 11 я справил балалайку, натянул все 6 струн, немножко поиграл, а тут пришли ребята... и начали играть в очко. Все почти играли, считая эти деньги, как ненужные бумажки. Но, все-таки, я выиграл 60 руб. Про наш двор шел Сагайдученко Кирилл, которого брали вместе с 1925 г., но он был в другой роте. Мы зазвали его в наш двор, дали закурить. Он рассказал нам, как добрался домой. Что ст. Староминская, Канэловская, Отрадовка заняты немцами. Что они, немцы, давали ему закуривать папирос, сигар и говорили: «Русс, иди домой». Еще он нам сказал, что слышал, будто зав. Районо Семенов и первый секретарь ВКПБ <...> лошиков с списками партийных

перешли к немцам. Часов в 6 ходил купаться на мост... Вечером гуляли возле Ивана, который только сегодня показался на глаза, а 7 дней сидел дома в комнате... Ягнюк В. перепугал почти всех. Он навешал гудыны с кабаков на себя и, хропя, бежал прямо на нас по улице. Он походил на всадника, ехавшего на задыхавшемся коне... Ну и посмеялись мы после этого... Уже пол-первого.

07 августа 1942 г. Пятница.

Спал, как и всегда, часов до 8. Пошли с Ванькой умылись холодной водой. Потом позавтракали в Чаек, и пошли гулять до Ивана Кобца с мандолиной и балалайкой. Часов 3 ходил купаться. Начали делать старики на первом мосту кладку... Играл в очко, проиграл 32 рубля. Сегодня «пришли» домой с батальона Талюжный Вал., Грушенко Вл. и Кириченко Вик. Один Николай Улько пошел с частью. Еще пришли 5 чел. с плену с к/з Дзержинского. Вчера приезжала немецкая машина с 50 солдат в к/з Дзер. (прим. автора – колхоз Дзержинского). Как будто немцы вчера взяли ст. Старо-Щербиновку...

8 августа 1942 г. Суббота.

Сегодня приезжали немцы машиной. Они ходили по дворам и просили яйца. Я их не видел. Пока безвластие в нашем селе. Часов в 8 пришел домой отец со Снегуром. Их задержали за мостом 4 немца. Осмотрели и повели до дзержинского огорода (прим. автора – огород колхоза им. Дзержинского). Потом засмеялись и сказали: «Русс, иди домой», помахали рукой. Помахали и им в ответ. С самого утра и до вечера гудеть в стороне Ейска, это орудийные раскаты. Даже у нас дрожать оконные стекла. Ходил купаться часа в 3 дня. Вечером гулял возле Кобца Ив. Но гульня была плохая... Но зато гуляли очень долго – я пришел в пол-второго ночи. В это время я слышал мужские голоса и ржанье лошадей на краю Елизаветовки со стороны хутора Краснодара. Мне слышался немецкий говор.

9 августа 1942 г. Воскресенье.

Сегодня проходила немецкая армия. Исключительно все ехали на конях. Очень хорошие лошади и сбруя. В основном ехали румынцы (прим. автора – части пятой румынской кавалерийской дивизии. На Ейск шел 8-й полк рошиорей, другие части дивизии – на Тимашевскую-Славянскую-Анапу). Одыжа защитного цвета. Все чистые, молодые. Сегодня немцы назначили старостой села Елизаветовка Зося Сэмэна Ороновича. Вечером гулял у Гуртовой Раисы в комнате. Играли на патефоне. Но не дали погулять Василий Шкурка и Вик. Ягнюк, которых девочки и позвали в комнату. Они организовали пацанов и начали кидать зеленые помидоры в девочек и на крышу хаты. Кидали также сырые яйца. Я домой пришел часов в 12 ночи. У нас спал один человек, который шел в Щербиновку (прим. автора – ст. Старощербиновская) из плена.

10 августа 1942 г. Понедельник.

Сегодня люди хотели идти на работу, но немцы на мосту их не пустили. Ищут партизан. Весь день гулял. Играл на мандолине и балалайке с Ваньком. Ходить по улицам немцы разрешают только до 9 часов вечера. Очень боятся они партизан – камыш весь оцеплен немцами. На мосту стоит пулемет. Вечером гулять не ходил – лег спать с вечера.

11 августа 1942 г. Вторник.

... Сегодня немцы отобрали у Ягнюка Виктора гранату Ф-1, которую он нашел на мосту, когда отступали наши войска. Делали еще обыск у Беленков Ивана и Василия, у которых были гранаты, наган и винтовка. Но Ивана не нашли, а Василия забрали и повели на наш колхозный огород, где стоять немцы, ищущие партизан. В это время, когда его вели, я купался на мосту. Его заставили нести какие-то два ящичка, в которых, как говорят, была радиостанция. Вечером с Кобцом Ив. был у Гуртовой Раисы. Она была сама, без девочек. Мы втроем сидели под хатой... Так мы в беседе просидели до полуночи. Потом мы с Иваном пошли по домам, опасаясь неприятностей со стороны немцев и партизан.

12 августа 1942 г. Среда.

Утром, часов в 6, я пошел на работу. Бригадир Луганец (сосед) поставил меня с одним стариком-водовозом. Привезли три бочки воды. Одну бочку – немцам в хут. Казачий. По дороге нам с дедом Аулом два немца чуть не дали клади (прим. автора – наказали) за то, что мы не своротили с дороги быков и не пропустили немцев, которые ехали на бидарке. С работы пришел часов в 7. Возле моста немцы заставили меня переводить через воду офицерского коня, которого они отняли у председателя Шишкина... Иду гулять к Гуртовой Раисе с Ванькой. Дойдя до ее двора, я заметил, что в огороде были человек 7 немецких солдат. Они брали ее <Раисы> сено лошадям из копен. Потом пришли румынские солдаты. Они просили хлеба, яичек, брали сено. У Сагайдука Ивана забрали четыре копны сена. Некоторые румынские солдаты просто занимаются грабежом: отбивают замки в хатах, в которых все на работе, роют картофель. У Лысенко Петра немцы взяли бычка и зарезали. Очень много немецких солдат. Оцеплен весь камыш... Домой дошел благополучно, но дома отец ругал за то, что хожу по ночам гулять. Он боится, что меня могут схватить немцы после 9 часов. Но на нашей улице нет постов.

13 августа 1942 г. Четверг.

Сегодня ходил на работу... Привезли две бочки. Утром видел, когда шел на работу, машин пять с немецкими солдатами. Они приезжали до моста, но он еще неисправный. Еще видел мотоцикл с коляской, который тоже приезжал до моста. Машины очень большущие, таких я еще не видел. Похожи на автобусы... Сегодня пришла наша эвакуированная скотина. Все люди, которые были с ею, пришли целы и невредимы. Но из табуна лошадей не пригнали ни одного <коня>, не хватает несколько коров, несколько десятков овец. Все это забирала наша отступающая армия...

14 августа 1942 г. Пятница.

... Сегодня весь день не видел Раи. Почему она постоянно в моей душе? Ведь я знаю, что она проводит время с В.Б. (прим. автора – Василий

Белянский)! Ведь я знаю, что мои мечты пропадут попусту! На то живет человек, чтобы чувствовать, переживать. На то даны такие дары природы. Без этого нормальный человек не проживет. У каждого человека есть чувства, стремления. Каждый человек, в общем, по-своему сходит с ума..."

В записях, сделанных в дневнике, прослеживается достаточно стройная система изложения событий, происходящих в рабочие или выходные дни. Основными занятиями в выходные дни являются помощь по хозяйству, гулянье, игра на музыкальных инструментах, игры. Есть в дневнике рассуждения о смысле жизни, о любви. Примером подобного рассуждения является запись в дневнике от 14 августа 1942 г. В дневнике обязательно отражались выходящие за рамки работы и отдыха чрезвычайные события...

Об одном из таких событий сделана запись в дневнике за 16 августа.

Отмечается, что «сегодня нашли убитых Тоньку Лещенко и Хору Елену в бурьяне возле машинного сарая. Тонька убита с револьвера в левый висок, а Хора – в правый. Василия Беленко (прим. автора – 11 августа его забрали немцы) нашли в камыше. Тоже убитый. Пуля вошла в затылок».

Александр 17 августа вечером гулять не ходил. Вероятно, на это решение повлияло то, что в селе были развешены «объявления, что всех шатающихся от 8 часов вечера до 4-х утра будут задерживать и отправлять в концлагеря». Записи этого дня заканчиваются предложением: «Еще позавчера отобрали у всех граждан холодное и огнестрельное оружие, в том числе у нас взяли двухстволку 16-го калибра».

19 августа отцу Александра Емельяну Петровичу исполнилось 36 лет. В дневнике это отражено, как и то, что «по дороге на работу со второго моста я увидел линейку, ехавшую к мосту. Это ехал Шкода Алексей до Шишкина (староста нашего к/з). На линейке сидели три женщины, в них я узнал Черкашину Марию Фед., Лещенко Ирину Л. и Шкарупу Таису Романовну, которые ушли с партизанами. Они приехали в нашу бригаду парой лошадей, запряженных в хурманку. Они говорили, что приехали из под Уманской, там же остались и мужчины. Придя домой, они были задержаны нашей

жандармерией (состоящей из наших же людей). Им даже не дали поесть и переодеться. Их связали по рукам и повезли в Александровку. В том числе и Кириченко Архипа, кладовщика. Его забрали неизвестно за что, но повезли вместе. Часов в 11 сегодня забрали Иванова Ивана Андреевича... Иванова взяли за то, что он вчера ругался с Шишкиным, называя его предателем. Шишкин же ругал Иванова за два арбуза, которые он вырвал. Шишкин заявил <в полицию> и Иванова забрали. В бригаде Шишкин не дал полиции линейки с лошадьми, а они <полицай> требовали. Шишкин не давал и начал скидать посторонки и ругаться, упрекая их в том, что они берут лошадей без разрешения коменданта. Тогда они <полицай> взяли вместе с Ивановым и Шишкина, говоря, что комендант лучше всех знает, кто прав, и повезли обоих. На первый раз Иванову дали 5 суток аресту в подвале. Шкурке Вас. И Проценко Фед. Дали 3 дня принудительных работ (якобы они крали арбузы). Сейчас они очищают площадь.

20 августа в дневнике отмечено, что отпустили тех, кого взяли вчера: Черкашину, Шкарупу, Лещенко, Кириченко.

21 августа произошел ряд событий, нашедших отражение в дневнике. Невдалеке от колхоза Буденного (Чипиливка) в плавни сел немецкий трехмоторный самолет (прим. автора – гидросамолет Дорнье Do-24). Работу Александр закончил часов в семь вечера. В дневнике за этот день есть такая запись: «Еще на углу я встретил ребят. Петр Логовой говорит мне: «А, ось и свын пвыдцидателя идэ!» (прим. автора – искаженное выражение: «А, вот и сын председателя идет!»). Я глянул на него и подумал, что он или дурный или с глузду сбывся! Ребята сказали, что моего отца поставили председателем к/за, а Шишкина сняли. Дома мать это подтвердила...».

23 августа отец Александра ездил в Александровку за документами. Ему там выдали документы на немецком языке. Он видел там Ренгольма Мартиновича, прошлогоднего немца-учителя Александра Куприка, который был переводчиком. В дневнике отмечено, что его эвакуировали из немецкой Колонки еще в начале войны с Германией, а теперь он оказался в

Александровке. В этот же день милиция задержала и девочек и мальчиков. Затем ребят загнали в подвал, а девочек отпустили.

27 августа 1942 г. Александру Куприку исполнилось 17 лет. В дневнике он так описывает этот день: «Придя домой, я поиграл с Ванькой Ч. (прим. автора – Чайкой) на мандолине и балалайке, приветствуя свой юбилей. Мать сегодня была дома. Наготовила пирогов, и я хорошо поужинал. <Эх,> хотя бы было вино или водка, да подходящее время! Вот бы справить юбилей! Да... Сегодня вечером мне исполнилось 17 лет! Ложусь спать».

28 августа 1942 г. Пятница.

Идя на работу, я встретил Мороза Гая, который шел до моего отца, чтобы он, как председатель, дал копачив. Умерла его мать. Он <Гай> ее привез вчера вечером из Александровки. Но там ее залечили, и она пожила дома часа три и умерла. Отец сказал: «Бери кого хочешь». Мороз взял меня, Положия Ник. и Бурдастова Василия. Мы позавтракали и пошли копать. С нами пошел и Гай. Начали искать места, где копать. Наконец нашли. Стали копать в ямочке, в которую запала земля, – мы посчитали, что здесь земля рушена и легко будет копаться. Прокопали и наткнулись на гроб. Гроб был еще новый, видно кто-то был зарыт этой зимой. Мы закидали его и начали копать новую яму немного севернее. Здесь тоже натыкались на два гроба, но они были трюхлявые. В общем, с трудностями выкопали двухметровую вглубь яму. Так что мать Гая не будет обижаться на нас...

29 августа 1942 г. Суббота.

Утром я, идя на работу, заносил в сыроварню два литра молока. Немцы приказали, чтобы каждый день все имущие коров носили по два литра молока... В бригаде рабочим давали по три дыни. Вечером гульня не состоялась – все боятся милиции.

30 августа 1942 г. Воскресенье.

Был на работе... Сегодня проходила по нашему селу немецкая армия. Они взяли 4 ведра на нашем МТФ и снесли бахчу с гудыной. Взяли отцового коня серого, а бросили взамен почти осла. Рая была на работе. Клади они

просо в копны. Сегодня люди рано бросили работу, особенно женщины, – воскресенье. Мы, ребята, пришли позднее женщин... Играли с Ванькой Ч. на мандолине и балалайке. Ходил гулять, но гульни не было... не пришлось погулять – милиция начала ходить по улицам и стрелять...

31 августа 1942 г. Понедельник.

...Вечером, когда шел с работы, купался на мосту. Вода была не очень холодная. Сегодня пришел муж тети Мани, сестры моего отца, Назаренко Трофим с плену. Он был 8 месяцев в концлагерях за Одессой. Чуть не умер. Шел домой пешком 1700 км за 35 дней. Как раз его не было дома 1 год и 5 дней. Он был по ту сторону Днепра. Вечером отец и мать ходили до Назаренка проведать дядьку Трофима, а я остался дома.

6 сентября 1942 г. Воскресенье.

Сегодня – общий выходной. Я был дома... Играли мы в карты, в очко. Играли также на балалайке, мандолине и гитаре, которую мы взяли у Орины Ратошней. Отец у Назаренка Трофима пил квас. Но он <квас> как вино и отец спился в доску и заснул. Я тоже ездил к дядьку и выпил стаканов пять. Я был немножко пьяненький. Вечером ходил гулять... Очень хорошо гуляли...

7 сентября 1942 г. Понедельник.

... бригадира не было – его забрали позавчера ночью и сейчас он уже в Александровке. Позавчера ночью забрали всех бывших в истребительном батальоне. С «Ростсельмаша» (прим. автора — колхоза, председателем которого был отец Александра Е.П. Куприк) взяли шесть человек. В том числе бригадира Луганца Ивана Никифоровича и Кириченко Архипа...

4 октября 1942 г. Воскресенье.

Был дома, думал крыть сарай с Карпом Мыщенко (Василенко). Но сначала с отцом подготовили все для крыши. Сделали все, как надо. Гулял весь день с Володькой, Ванькой, Степкой. Был в парихмахстерской, подстригся за 15 рублей. В сельском правлении увидел висящий портрет Гитлера и надпись «Гитлер-освободитель». Сегодня открылся клуб. Я пошел

туда с ребятами, но он еще был пустой, там была только наша «бывшая интеллигенция» – учителя. Я пошел в хату... Там уже гуляли. Была и Г.Р. (прим. автора – Гуртовая Раиса). Я с нею побеседовал о том, о сем, и тут стали играть в номерков. Я переценивал всех до одной, особенно <часто> Г.Р. Вдруг, где не возьмись, явился Белянский Василий. У меня отпала охота гулять и я ушел в клуб. Там уже было полно народу. Я заплатил за вход три рубля и сел возле Ваньки и Степки. Играли два баяна: немецкий и Гноевой. Немецкий играл реже. На сцене за столом сидели семь немецких офицеров. Они курили папиросу за папиросой. Некоторые танцевали с нашей «интеллигенцией» парами. Один наш сельский парень танцевал и пел «Ой, на рыбалке, на реке!». Исполнил очень хорошо и ему немецкий офицер дал штук пять папирос. Потом он сплясал страдания и пропел:

«Ой, гоп, грычаныкы!

Булы жыды-начальныкы,

Колхозныкы на войны,

А колхозныцы в бурьяни!»

Кто думал, что будет в нашем клубе такое твориться! Шел домой с ребятами. Райка сидела на лавочке Куца с Василием. Увидев, что мы идем, она нагнула голову и смотрела в землю.

8 октября 1942 г. Четверг.

...За огородом в копнах нашли два ящика патронов — 2000 шт. Их оставили еще партизаны...

10 октября 1942 г. Суббота.

Дисковал с Федькой ячмень. Вечером был в клубе. В клубе играл баян. На сцене сидели немецкие офицеры, которые танцевали с нашей «интеллигенцией». Был также и в хате, где тоже гуляли.

14-20 октября 1942 г.

14-го, 15-го, 16-го были дожди. Я был все время дома. 17-го был хороший день. Я пахал быками. Не работа, а какое-то мучение. Но не об этом. До сих пор стоит в голове история одного вечера. Это было 13/X-42 г.

во вторник. Я гулял в хате Проценковой Раисы. Нас было человек до пятнадцати девочек и мальчиков. Вдруг в разгар гульни заскакивает милиция. Всех нас забрала и загнала в подвал. Потом по пять человек выводила и записывала имена и фамилии. В общем, оштрафовала каждого на 50 руб. Якобы за «нарушение уличного движения». Но мы были в хате — это ж не движение, да и сама милиция гуляла <здесь> в кое-какие вечера. Опять же разрешено хождение до 9 часов, а нас они <полиция> забрали, когда не было и 8-ми часов. Это получилось из-за пустого кармана милиции, который они выпорожнили, играя в «очко», да еще из-за одной особы...

21 октября 1942 г. Среда.

Я задумал с ребятами наварить самогону с морквы. Собрались мы втроем... В пятницу, 23/X-42 г., мы начали гнать самогон. Гнали у Шкурки Василия, где его мать была за главного гонщика... Я еще ни разу не видел, как гонять водку, ну вот и довелось увидеть. Камыш был молодой — плохо горел и дело не выходило. Мы пошли с Василием да и оторвали у Шкоды, бабы Палашки (прим. автора - Пелагеи) от горожы доску и часть колодка досчаного зруба. И пишло дило на лучше... Итак, с 8 вечера до 3 часов ночи мы с Василием не спали, а гнали самогон с его <Василия> матерью. Нагнали четверть водки для себя, а 1,5 литра его мать взяла за труды.

24 октября 1942 г. Суббота.

...Вечером ходил в клуб. Конечно, мы были выпивши. Я, Василий Шкурка и Положий Ник. Выпили по два стакана самогону... В клубе было весело, играл баян и танцевала наша бывшая интеллигенция. Я сегодня хотел проситься к Рае Гуртовой, но не было Володьки Проценко, на котором лежала эта обязанность (прим. автора — очевидно, обычай требовал свидание назначать только через третье лицо).

14 ноября 1942 г. Суббота.

Вечером был в клубе. Но мне гульня не понравилась... Правда в клубе видел Кондратенка Ал-дра и Тюливетрова Павла. Они с 1924 г., пришли с плену. Павел был ранен миной в голову, спину и руку. Его подобрали на поле

боя немцы и отправили в лазарет. Там он пролежал 1,5 месяца и его отпустили. Но и до сих пор раны не зажили. Про остальных Павел ничего не знает, правда видел в плену Синчука Григория и Савостьяна Ал-дра. А Кондратенко — просто трус, сдался в плен, и, при том, — трипло — говорит, что человек пять убито: Савостьян Ал., Кирсанов Петр и др.

22 ноября 1942 г. Воскресенье.

Я был дома, так как болел палец, но больше всего — потому что воскресенье. С 6 часов утра и до 11 часов дня гоняли людей на работу. Приходили и до меня два раза учетчицы. Чтобы шел я на работу. Кто не шел на работу — тех записывали (прим. автора — в «черный список»). Таких нашлось 25 человек, из них 22 девочки и трое мужчин, вернее не мужчин, а парней. Всех этих <занесенных в список>, кроме парней (они спрятались), забрала наша местная милиция и погнала в Колонку Ольгенфельд до коменданта. Комендант приказал им работать и второй раз сюда не попадать, а то будет плохо. Я тоже попал в список, но меня оправдали учетчицы. Пока сидел в хате, поправил себе ботинки, пряжку, помазал чоботы. В общем, убрался и пошел гулять вечером прямо в клуб. Ходил с Райкой. Был мороз и ярко светила луна. Сегодня я пробыл с ней больше, чем вчера.

29 ноября 1942 г. Воскресенье.

Сегодня я был дома. Гулял в карты, и часов в 3 дня пошел до своей тетки Шкоды Веры, где должна быть выпивка. Тетка мне дала 1,5 стакана настоящего вишнями самогона. Но девочки все задерживались, и я пошел до бабушки. Потом опять дошел до Шкоды Веры, тут мне дали стакан <самогона>. На этом закончили и пошли в клуб.

1 января 1943 г. Пятница.

Еще вчера пришел приказ из Александровки, районной комендатуры, чтобы Новый год праздновали, т.е. 1 января — не рабочий день. Только вчера отец мой приехал с г. Азова. Он возил в Азов колхозную ромашку и свои собственные продукты, чтобы купить или выменять соли и керосину. Азов стал большим рынком и на рынке можно купить <все>, что твоя душа

желает, но очень дорого. Стакан соли стоит 25-30 руб., а литра (прим. автора – в кубанском говоре это слово женского рода) керосину — 180-200 руб. Рано утром я поехал с отцом косить камыш. Морозу почти не было. Был большой туман, который разъедал лед. Мы пошли по над правым боком лимана и вышли по Екатериновку. Нигде не нашли места, где можно было косить камыш – везде по камышу была вода, а камыш был плохой. Мы пошли до старой «грэбли» (прим. автора — мост через реку) и там нашли хороший камыш. Лед был крепкий, в камыше не было воды. За каких-то 1,5 часа я с отцом укосил полсотни <кулей> (прим. автора — снопов) камыша. Да и то я один косил стругачкой, а отец не успевал вязать. 30 кулей я сложил в кучу, а 20 мы повезли домой...

В клубе, как всегда, играет баян... Завклуба теперь Гай Мороз. Под его руководством поставили пьесу «Медведь» (А.П. Чехова), но я не захотел записываться в этот кружок. Баянист Гноевой заиграл польку. И вдруг, что я вижу! Танцует Гуртовая Раиса с начальником милиции, который у них на квартире. Я с ней уже разорвал всякие связи. Уже три недели назад... В клубе мне не понравилось, и я ушел домой за несколько минут до закрытия клуба, т.е. еще до «марша» ...

Александр Куприк 14 января 1943 г. вместе со своими товарищами Степаном, Виктором и Иваном доставлял пшеницу на элеватор в ст. Староминскую. Сани, которыми управлял Степан, перекинулись, «пшеница оказалась на снегу». В этот момент на дороге показалась немецкая машина. Подъехав поближе, немцы увидели, что ребята перевозят пшеницу и предложили обменять ее на керосин, пытаясь раздать им сигареты. Александр писал: «Немец повторял, что они наберут пшеницы трошки. Набрал и пошел до Степановой пшеницы, которая была в снегу. За ним – второй немец. Один мешок отнесли в машину, стали набирать второй мешок...

Я пошел к немцам и стал рассказывать, что пшеница не наша, что мы ее везем на элеватор, что ее будут поездом отправлять в Германию. А они зовут Степана и говорят, что дадут много денег, марок.

Степан плачет, не знает, что делать.

Я ему говорю: «Запиши номер машины». Степан записал номер на курительной бумаге карандашом. Один немец это заметил.

Он призвал Степана и закричал: «Номер машин, номер! Номер машин, документ!»

Степан достал накладные и показал немцу, немец даже не посмотрел на них. Полез до Степана в карман и нашел бумагу, где был записан номер.

Он прочитал, отобрал карандаш, что-то сказал другому немцу.

Тот немец взял мешок с пшеницей и пошел высыпать ее до кучи...

А второй немец заставил нас (прим. автора – в кубанском говоре глагол «заставлять» управляется дательным падежом, а не родительным, как в русском языке) с Иваном нести другой мешок. Мешок был очень тяжелый, с центнер, мы его насилу донесли до кучи».

Немцы ушли из Елизаветовки в конце января 1943 г., последними из села уходили казаки-коллаборационисты.

4 февраля 1943 г. Елизаветовка была освобождена нашей армией. На следующий день Александр Куприк прибыл в военкомат и уже 14 февраля он был призван Александровским райвоенкоматом в ряды Красной Армии, военную присягу принял в день 25-летия ее образования. Отметим, что еще до оккупации Елизаветовки А.Е. Куприк 27 июля 1942 г. с запасом продуктов на 12 дней, ложкой, кружкой и бельем прибыл в сельсовет для мобилизации в армию. В дневнике он писал: «В 5 часов нам нужно было уже отъехать, а отъехали в 10 часов. Забирали последних ребят. Забирали с 1891 по 1925 год. Остались одни забронированные. Уже идут бои в районе Азова и Батайска, сдали Ростов и Новочеркасск». Стремительное наступление немецкой армии не позволило ему, как и другим мобилизованным елизаветовчанам, даже

дойти до мобилизационного пункта в станице Канеловской и 30 июля 1942 г. новобранцы разошлись по домам.

В составе 876-го стрелкового полка 276-й стрелковой дивизии Александр Емельянович Куприк принимал участие в боях за освобождение Кубани. Победу встретил под Берлином. До Потсдама он прошел дорогами России, Украины, Молдавии, Румынии, Польши, Германии. Был трижды ранен и контужен. В 1949 г. вернулся в Елизаветовку. После окончания в 1950 г. Ростовской школы машинистов паровозов работал на ст. Кропоткин, затем на ст. Зима, с 1957 г. – машинист локомотивного депо ст. Староминская Северо-Кавказской железной дороги Краснодарского края. В 1980 г. вышел на пенсию. Умер 19 сентября 1989 г.

Награжден орденами Отечественной войны I степени и Славы III степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «Ветеран труда», юбилейными медалями.

Список используемой литературы:

1. Боевой путь солдата второй мировой. Немецкая оккупация в Елизаветовке (Дневник Куприка Александра Емельяновича) / сост. А.А. Куприк. – М., 2013. – 142 с.
2. Николаев, В.И. Река моей жизни / В.И. Николаев. – Северск: Центральная городская библиотека, 2016. – 39 с.